

Фёдор Андрощук

Константинопольские монастыри св. Маманта и место резиденции руских купцов в X веке

Местоположение в Константинополе монастыря св. Маманта, упомянутого в русско-византийском договоре 944 г.¹, все еще представляет собой далеко не решенный вопрос. К настоящему времени накопилась обширная литература, основанная на довольно противоречивых письменных источниках². В ней конкурируют три возможные локализации монастыря: за стенами городского района Влахерны (нынешний Ейуп, рис. 1), в юго-западной части города у Белградских ворот и на европейском берегу Босфора — в Пере. Последним, кто специально обращался к данному вопросу был Г.Г. Литаврин, суммировавший свои наблюдения следующим образом:

Квартал св. Маманта — предместье вне стен столицы, расположенное примерно в двух километрах от ближайшего участка северных стен Константинополя на европейском берегу Босфора (Стена), близ выхода из пролива в Мраморное море. Пригород получил своё название по имени монастыря, основанного в этом месте в честь великомученика Маманта. Монастырь уже существовал, когда после по-

---

1 ПСРЛ 1: 31, 48–48; ПСРЛ 2: 22, 37–38. Монастырь упомянут также в договоре 907 г., аутентичность которого обоснованно подвергается сомнению.

2 С. Du Cange, *Constantinopolis christiana* (Paris, 1680), 185–186, XXV–XXVI; P. Gilles, *The Antiquities of Constantinople: With a Description of its Situation, the Conveniencies of its Port, its Publick Buildings, the Statuary, Sculpture, Architecture, and Other Curiosities of that City: With Cuts Explaining the Chief of Them* (London, 1729), 248–249; Δ. Σκαρλάτος, Η Κωνσταντινούπολις: ή περιγραφή τοπογραφική, αρχαιολογική και ιστορική της περιωνύμου ταύτης μεγαλόπολεως και των εκατέρωθεν του κόλπου και του Βοσπόρου προαστείων αυτής / υπό Σκαρλάτου Δ. του Βυζαντίου συνδρομή φιλοτίμου του ευγενεστάτου άρχοντος Ποστελνίκου Σωτηρίου Καλλιάδου, ω και προσανατέθη. Τομος Α–Β (Αθήνησιν, 1851–1862), Α 599–600; Β 7–10; Успенский Ф.И., Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете*. Т. 2. Византийское отделение, ч. 1. Одесса, 1892, 25–84; J. Pargoire, St. Mamas, le quartier russe de Constantinople; *Echoes d'Orient* XI (1968), 203–210; R. Janin, *Constantinople byzantine: developpement urbain et repertoire topographique* (Paris, 1964), 140, 189, 234, 431–432; *The Oxford Dictionary of Byzantium*, (New York and Oxford, 1991), 1278; Литаврин Г.Г. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус. *Византийский временник* 81 (1993), 81–92; Сорочан С.Б. *Византия IV–IX вв. Этюды рынка*. Харьков, 1999, 225–226; Литаврин Г.Г. *Византия, Болгария, Древняя Русь*. СПб, 2000, 106, прим. 3; *Byzantine Monastic Foundation Documents*, vol. 2, ed. by J. Thomas and A. Constantindes Hero (Washington, DC, 2000), 973.

Рис. 1. Ейуп с панорамой Золотого Рога
(N. Atasoy, *Yadigar-i Istanbul* (Istanbul, 2007), 73)

жара 469 г. Лев I (457–474) воздвиг здесь всего за полгода роскошную загородную резиденцию — дворец с ипподромом, портиками и оборудованной гаванью; дворец стал местом празднеств и развлечений василевсов; разграбленный и сожжённый по приказу болгарского хана Крума в 813 г. дворец был ещё более пышно отстроен Михаилом III (842–867), который превратил его в свою почти постоянную резиденцию; здесь он был и убит в результате заговора Василия I Македонянина. Пригород вокруг этого монастыря и царского дворца и оказался местом расквартирования русов.³

Вывод Г.Г. Литаврина содержит два дискуссионных момента. Первый касается ранней истории монастыря, которая известна только по *Патриии Константинополя* — источнику фольклорного происхождения⁴. Вторая проблема заключается в том, что локализация монастыря в Пере, «недалеко от Стенона»⁵ противоречит другим данным, согласно которым монастырь нахо-

3 Литаврин Г.Г. Условия пребывания, 82.

4 *Georgii Codini Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitanis*, ed. I. Bekker (Bonn, 1843), 115, 12–16; — Ср.: C. Mango, “Antique Statuary and the Byzantine Beholder,” *Dumbarton Oaks Papers* 17 (1963), 53–75; G. Dagron, *Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des “Patria”* (Paris, 1984); A. Cameron and J. Herrin, *Constantinople in the Early Eighth Century: The Parastaseis Syntomoi Chronikai* (Leiden 1984); A. Berger, *Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos* (Bonn, 1988); *The Oxford Dictionary of Byzantium*, 1278.

5 *Ioannis Skylitzae Synopsis historiarum*, ed. I. Thurn (New York, 1973), 107.61, 108.73, 114.51; *John Skylitzes, A Synopsis of Byzantine History: 811–1057*, ed. J. Wortley (Cambridge, 2010), 108, 109, 114.

дился в Пропонтиде⁶. Наконец, предложенный исследователем сценарий пребывания русов в Константинополе⁷, навеян поздними источниками и не учитывает того, что гавани, как и одноимённые монастыри, могли существовать в разное время. В предлагаемой статье будет предложена новая локализация монастыря св. Маманта, в обосновании которой будут учтены не только ранее известные данные письменных источников, но и совершенно не известный ранее документ османского времени (дефтер 1455 г.), а также результаты археологических исследований.

Византийские письменные источники, современные русско-византийским договорам X в., локализуют монастырь св. Маманта в районе ворот Ксилокерк. Сейчас в большинстве справочников этими воротами считают Белградские (рис. 2), расположенные в юго-западной части города⁸, однако в XVI в. и даже ещё сто лет назад их локализовали в районе стен Влахерны (Айвань Сарай)⁹. Считалось, что ворота вели за город к построенному из дерева ип-

6 *Iosephi Genesis Regum libri quattuor*, ed. A. Lesmüller–Werner et I. Thurn [*Corpus fontium historiae Byzantinae, Series Berolinensis*, 14] (Berlin, 1978), 4,19; Joseph Genesisios, *On the Reigns of the Emperors*, trans. A. Kaldellis (Canberra, 1998), 4, 19. Правда, судя по одному из комментариев, Г.Г. Литаврин полагал, что под Пропонтидой в византийских источниках понималось не только Мраморное море, но и Босфор (Литаврин Г.Г. Условия пребывания, 83, прим. 11).

7 «В путь одновременно отправлялось до 50–60 ладей под присмотром примерно 10–12 послов и 20–22 купцов. Часть ладей, освобожденных от груза, вместе с «излишними» для дела в столице гребцами и воинами охраны, оставалась в Месимври. Остальные (половина или несколько меньше) бросали якорь в бухте св. Маманта. Гавань св. Маманта достаточно глубокая, но открыта восточным и юго-восточным ветрам. Имела ли она мол в то время, неизвестно, хотя, как упоминалось выше, была благоустроенной уже в V в. Берег гавани высокий, и товар вряд ли оставляли в ладьях — его перегружали в склады при митате, откуда он партиями постепенно доставлялся на рынок (в той его части, которая не была закуплена оптом византийскими перекупщиками). Все окружающее столичное побережье было поделено на «эпохи» — рыбацкие участки и стоянки, имевшие своих хозяев. Гавань св. Маманта была, несомненно, императорской (казенной), и русы, как и за постой, ничего не платили за стоянку ладей. Попеременно в дни рынка, 5–7 ладей одновременно перевозили товар, купцов и послов к одним из ближайших ворот города (такими воротами были ворота св. Варвары, Неоерия и Друнгария)» (Литаврин Г.Г. Условия пребывания, 91).

8 О топографии ворот см.: W. Kleiss, *Topographisch-Archäologischer Plan von Istanbul* (Tübingen, 1967), 6-Af; W. Müller–Weiner, *Bildlexikon zur Topographie Istanbul* (Tübingen, 1977), 287; Иванов С.А. *В поисках Константинополя*. М., 2011, 531–532; N. Basgelen, *The Landwalls of Istanbul. A Pictorial Guide Using Historical Photographs* (Istanbul, 2011), 51; Ворота Ксилокерк входили в систему укреплений Феодосия. На это указывает надпись императора Феодосия и епарха Востока Константина о сооружении стены за 60 дней. Надпись была опубликована А. Бандури с топографической привязкой «In portam Xylocirci Byzantii» (A. Banduri, *Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae* (Venetiis, 1729), 128, nr. 428 — <http://www.bsbmuenchendigital.de/~web/web1062/bsb10625711/images/index.html?digID=bsb10625711&pimage=1&v=pdf&nav=0&l=de>). Перевод см.: A. van Millingen, *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites* (London, 1899), 47; A. Ricci, “Recenti restauri alla Belgrat Kapi nelle mura terrestri di Constantinopoli,” *Milione. Studi e ricerche d’arte Bizantina. Constantinopoli e l’arte delle province orientali* (Roma, 1990), 465–468. Критический обзор письменных данных о воротах Ксилокерк см.: J. Pargoire, “Les Saint Mamas de Constantinople,” *Известия Русского археологического института в Константинополе*. 1904, IX:1/2, 285–291. Необходимо также учесть последний обновлённый обзор истории и топографии Константинополя: A. Berger, “Konstantinopel,” *Reallexikon für Antike und Christentum*, Bd. 21 (Stuttgart, 2006), 435–479; 481–484.

9 P. Gilles, *The Antiquities*, 248–249; Успенский Ф.И. Типик монастыря, 79; A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 89; E. Mamboury, *Stambul Reiseführer* (Stambul, 1930), 294.

Рис. 2. Белградские ворота (N. Basgelen. *The Landwalls of Istanbul (A Pictorial Guide Using Historical Photographs)* (Istanbul, 2011), 50)

подрому вблизи церкви св. Маманта, расположенной в к югу от Золотого Рога, между районом Ейуп и Айвань Сараи и вблизи монастыря Козьмы и Демьяна¹⁰. Полагают, что в VIII–IX вв. здесь существовали гавань, ипподром и дворец¹¹. Дворцовый комплекс с монастырём св. Маманта, видимо, был богато украшен. Во время осады города в 812–813 г. болгарский хан Крум послал сюда отряд с целью разорить его. Уловом болгар оказался «медный лев с ипподрома, статуя дракона и изящный мрамор»¹². Есть основания считать, что в X–XI вв. окрестности монастыря св. Маманта на южном берегу Золотого Рога у Влахерны пребывали в запустении. В словаре *Суда*, составленном не ранее конца X в., говорится что у св. Маманта из-за большой воды был некогда построен большой мост с 12 арками. Там также стоял медный дракон, которому приносили в жертву девушек. Рассказывается также, что некий Василик облюбывал это место и построил храм, впоследствии разрушенный императором Зеноном¹³. В *Патрии*, датированной около 995 г., го-

10 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 89, note 4.

11 *The Chronicle of Theophanes Confessor*, trans. C. Mango and R. Scott (New York, 1997), 536–537 (Манго полагает, что это упоминание относится к Пера), 598, 639, 646, 666 (Пера?), 686; *Theophanes Continuatus: Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*, ed. I. Bekker (Bonn, 1838), 197, 243, 254; *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей*. Пер., статьи, комментарии Я.Н. Любарского. СПб, 1992, 85, 105, 109.

12 *The Chronicle of Theophanes*, 686, note 33.

13 *Suidae Lexicon ex recognitione I. Bekkeri* (Berolini, 1854), 682. Ср. также: A. Cameron and J. Herrin, *Constantinople in the Early Eighth Century*, 85.

ворится, что у св. Маманта стоял дом магклавита императора Михаила — Токсара¹⁴. Надо полагать, что все эти фантастические рассказы были вызваны заброшенным состоянием всего архитектурного комплекса, провоцировавшего бурную фантазию местного населения. В XIII–XIV вв. здесь мало что осталось. Однако, по свидетельствам русских паломников неподалеку от монастыря Козьмы и Демьяна находился Василков Торг, в конце которого стояла «церковь фрязкая» с чудотворным деревянным распятием. Здесь же находилась пристань и перевоз в Галату¹⁵. В созвучии имён Василка и упомянутого выше Василика, жившего у св. Маманта, а также в наличии пристани и торго (бывшего ипподрома) нужно видеть указания на одну и ту же местность, где некогда стоял интересующий нас монастырь. Был ли монастырь под этим именем известен здесь в XIII в., сложно сказать. Для этого мы располагаем единственным источником — *Паломником Добрыни Ядрейковича* (архиепископа Антония), посетившего Константинополь около 1200 г. Памятник сохранился в шести списках, датированных XVI–XVIII вв. Они восходят к двум редакциям, созданным соответственно до и после взятия Константинополя латинянами, и отличаются объёмом, формой изложения и деталями¹⁶. К сожалению, Антонию не удалось побывать всюду, в особенности путаны и непоследовательны его свидетельства о загородных святынях¹⁷, в том числе и о монастыре св. Маманта. Так, в одной редакции мощи святого и монастырь упомянуты после Золотых ворот и до церкви Карпа и Папила, в направлении монастыря Трояндофилица (Перивлепты). Во второй редакции они упомянуты за городом, в районе Влахерны¹⁸.

Локализация монастыря в южной части города не так уж и бесосновательна и, как я покажу ниже, находит подтверждение в источниках, датированных X веком. Так, в отличие от *Продолжателя Феофана*, нигде о местоположении монастыря прямо не говорящего, Генезий совершенно чётко указывает, что езда на колесницах при Михаиле III имела место на Пропонтиде, где располагался монастырь св. Маманта с ценной иконой Богородицы¹⁹.

14 *Patria Constantinopleos*, ed. Th. Preger [*Scriptores Originum Constantinopolitanarum*, II] (Leipzig 1907), 250,3; A. Berger, *Untersuchungen zu den Patria Konstantinopoleos* (ΠΟΙΚΙΛΑ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ 8, Bonn 1988). Константин Токсар (Лучник) был одним из участников заговора Василия и, таким образом, убийцей кесаря Варды и Михаила, см.: *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*, ed. Wahlgren Staffan [*Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis*, Vol. XLIV/1] (Berlin and New York, 2006), 131.35, 37, 50, 132.2. Ср.: *Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями*. Изд. В. Срезневский. СПб, 1905, 107, 110.

15 G. Majeska, *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (Washington, D.C., 1984), 151.

16 Лопарев Х.М. Книга Паломник. Сказание мест Святых во Цареграде Антония Архиепископа Новгородского в 1200 г. *Православный Палестинский сборник*. Т. XVII, вып. 3. СПб, 1899, XX.

17 Лопарев Х.М. Книга Паломник, XXXII.

18 Лопарев Х.М. Книга Паломник, 25, 59, 85.

19 *Iosephi Genesii Regum libri quatuor*, 4,19; Joseph Genesios, *On the Reigns of the Emperors*, 4, 19.

Хроника Симеона Логофета сохранила важные топографические детали, которые указывают на размещение монастыря, дворца и ипподрома именно в этой части города. В известной сцене убийства Михаила, заговорщики покидают дворец в квартале Мамы следующим образом: κλύδωνος δὲ ὄντος ἐν τῇ θαλάσῃ συναθροισθέντες κατήλθον μέχρι τοῦ Περάματος καὶ διαπεράσαντες ἤλθον εἰς τὸν οἶκον Εὐλογίου...²⁰. Περάματος обычно переводят как Константинопольскую Перу²¹. Именно так понял это место и автор русской редакции *Хроники Георгия Амартола*: Зане велиемь вѣтромъ море волнаше^с, даже и до порома, рекше до перовоза, снисдоша пѣши и тоу превезшеса доидоша домоу Евлогиева Прѣсанина...²². Надо думать, перевод отражает топографические реалии, возникшие не ранее конца XI в. Интересно, что редактора совершенно не смутила очевидная алогичность построенной им фразы, согласно которой убийцы во время бури на море решили воспользоваться паромом. К тому же по предложенному русским редактором пути заговорщикам следовало сначала добраться до стен Влахерны, чтобы оттуда войти в город, весь его пересечь, чтобы в конце концов по какой-то городской стене добраться до дворца. Такое могло прийти в голову только в том случае, если под дворцом понималась современная редактору резиденция во Влахернах, а не Вукелеон на побережье Мраморного моря.

Совершенно иначе звучит интересующее нас место в южнославянском переводе *Хроники Симеона Логофета*: Боури же суци въ мори, събравшеса сънисдошоу до прѣхода, и, прѣшедше, прѣидошоу въ домъ Евлогѣа²³. Согласно этому переводу, и всему изложенному Симеоном контексту, убийцы должны были прийти во дворец, чтобы там сообщить об убийстве Михаила. Однако начавшаяся в море буря не позволила им воспользоваться водным путём, а заставила идти пешком. Заговорщикам нужно было посетить дом перса Евлогия, чтобы с его помощью добраться до дворца и сообщить обо всём происшедшем начальнику охраны персу Артабасту. Захватив Евлогия с собой, вся компания по внутренним переходам стены добралась до отгораживающей дворец мраморной плиты, взломав которую, они попали внутрь дворца. Логике описания всего пути убийц от резиденции Маманта до дворца, можно понять только в случае если всё происшедшее имело место в южной части города, у городских стен, расположенных у Мраморного моря. Здесь, вблизи городской стены, а также ручья Ликос (это через него, надо полагать, убийцы перешли, направляясь к дому Евлогия), как будет показано ниже, располагался монастырь, ипподром и резиденция Михаила. Здесь, вероятно, и находилась

20 *Symeonis Magistri*, 131.485–487.

21 Sophocles E.A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods from B. C. 146 to A. D. 1100* (New York, 1914), 872.

22 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь*. Т. 1. Текст. Пг. 1920, 518.

23 *Славянский перевод хроники Симеона Логофета*, 110.

построенная им конюшня из мрамора с одной любопытной технической деталью — водостоками («водными протоками»)²⁴. Для водостоков нужна была вода, а брать её в городе больше неоткуда, как только из Ликоса. Это даёт основание рассматривать и конюшню, и ипподром с дворцом и монастырём как единый комплекс, расположенный недалеко от этого ручья.

Обратимся к остальным источникам, подтверждающим такую локализацию.

К источникам, датированным X в., относится также перечень императорских захоронений, сохранившихся в составе *Книги церемоний*. Здесь говорится, что «в монастыре св. Маманта, недалеко от ворот Ксилокерк, в нартексе церкви лежит каменный саркофаг в котором погребена жена императора Маврикия с детьми, а в укромном месте этого же храма слева в востоку — и он сам»²⁵. О топографии этих ворот говорилось выше, поэтому мы ограничимся констатацией их месторасположения в юго-западной части стены города.

Для дальнейшей локализации монастыря нам необходимо обратиться к османскому дефтеру 1455 г., представляющему собой перепись всех сооружений, сохранившихся в Константинополе после его захвата в 1453 г.²⁶ Интересующий нас квартал располагался к востоку от монастыря Перивлепты и носил название Иса-Кермеси (’Isa-Kermesi). В квартале насчитывался 51 дом, 1 лавка, 6 церквей и 5 монастырей.

Важными топографическими приметами в дефтере являются: упоминание ручья, расположенной на его берегу церкви св. Иоакима, а также указание на локализацию одного из домов квартала у городской стены. Поскольку ручей в городе был один — Ликос, впадавший в Мраморное море в районе проходившей здесь Феодосиевой стены, то можно не сомневаться, что речь идёт о районе бывшего порта Феодосия. Здесь, согласно дефтеру, было несколько христианских обителей, вокруг которых отмечена концентрация жилой застройки. Территория квартала была разделена ручьём на два района.

К западу от ручья располагались строения сгруппированные вокруг церкви ’Isa-Kermesi и монастырей св. Маманта и св. Дмитрия.

Одна группа строений состояла из одиночных, двух одноэтажных домов, а также двух церквей, одна из которых (’Isa-Kermesi)²⁷ имела «внизу» торговую лавку. Один жилой комплекс состоявший из двух одноэтажных домов,

24 Название этого сооружения *στάβλον τοῦ ἵπλου* в славянских переводах варьирует между словами «граждь» и «хлев», в то время как ироничная характеристика его как *κοιτροβέσιον* переведена буквально «гноевы хранильница» (*Славянский перевод хроники Симеона Логофета*, 105; Истрин В.М. *Книги временныя*, 510).

25 Constantini Porphyrogeniti, *De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo*; E. recensione J.J. Reiskii (Bonn, 1829), 647–648.

26 Halil Inalcik, *The Survey of Istanbul 1455. The Text, English Translation, Analysis of the Text, Documents* (Istanbul, 2012), 358–362.

27 Речь идёт скорее всего о церкви Христа Спасителя, сооружённой в 1282–1289 гг. и расположенной в квартале между улицами Коса Mustafa и Paşa Etyemez Tekkesi (Иванов С.А. *В поисках Константинополя*, 412–414).

находился напротив мельницы, а один дом, где жил священник, стоял напротив дома, где производили льняное масло (*bezirhane*). Небольшая группа строений из двух лёгких деревянных сооружений (*çartak*²⁸) с 16 келиями и одной винарни располагалась на ограждённой территории монастыря *Ayaz Mamoz* (св. Мамы).

Следующая группа построек связана с комплексом монастыря *Ayo Dimitri Palogoz*. На его территории находились 7 двухэтажных построек (одна из них размещалась напротив монастырских ворот). На первом этаже одной большой двухэтажной постройки размещалась винарня. С монастырём также связаны комплексы из двух и трёх одноэтажных домов, церковь с кухней, а также церковь св. Иоакима с шестью расположенными вокруг неё одноэтажными строениями.

К востоку от ручья — «стороне *Dikili-Tas*» (египетский обелиск *Ипподрома*²⁹) находились: безымянная церковь, а также двухэтажные и одноэтажные дома. Поскольку один из двухэтажных домов упомянут напротив городской стены, можно думать, что вся группа построек располагалась в южной части города, на восточном берегу реки Ликос.

Северо-восточную часть квартала представлял комплекс монастыря *Mirlos* (Моне тес Мирелайу³⁰). Сюда входили: одноэтажные дома, большие двухэтажные постройки, комплексы строений из одного двухэтажного и трёх одноэтажных домов и трёх одноэтажных домов, а также винарня. Один дом отнесён к классу богатых. На карте начала XVI в. этот квартал по прежнему хорошо виден (рис. 3). Он огораживает пространство с руинами церкви внутри, расположенное к северу-западу (по карте) от гавани *Lauulaca* (*Langa Bostani*)³¹.

Таким образом, упоминание монастыря св. Маманта в дефтере 1455 г. существенно уточняет его топографию. Кроме приведённых, имеется ряд дополнительных данных, указывающих на местоположение монастыря в южной части города — к востоку от Псамафии и рядом с гаванью Феодосия. В протоколе к типуку этого монастыря, датированному XII в., среди подписавших его свидетелей упомянуты монахи соседних обителей — Студитского монастыря и Перивлепты. Кроме этого, в протоколе к типуку говорится, что монастырь находится напротив женского монастыря Аристины и обители Иасита³². С первой можно соотнести или «церковь с кухней» или церковь

28 Употребляемое в источнике слово *çartak/çardak* может означать сооружённую из прутьев беседку (*Oxford-Turkish Dictionary* (Oxford, New York, 1993), 103); четырёхугольную палатку (F. Devellioglu, *Osmanlica-Türkçe Ansiklopedik Lügat* (Ankara, 1970), 186) или лёгкую конструкцию, состоящую из столбов и крыши из прутьев (*Redhouse Turkish/Ottoman-English Dictionary* (Istanbul, 1997), 241).

29 Halil Inalcik, *The Survey of Istanbul 1455*, 490, No 10:1.

30 О монастыре см.: W. Kleiss, *Topographisch-archäologischer Plan*, 3-Ee; W. Müller-Weiner, *Bildlexikon*, 103–106; C.L. Striker, *The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul*. With an appendix by John W. Hayes (Princeton, New Jersey, 1981).

31 A. Berger, “Zur sogenannten Stadtansicht des Vavassore”, *Istanbul Mitteilungen* 44 (1994), 329–355.

32 Успенский Ф.И. Типик монастыря, 66–67.

Рис. 3. Район гавани Феодосия (на карте Lauulaca)
с прилегающими кварталами на карте нач. XVI в.

(W. Müller-Weiner. *Bildlexikon zur Topographie Istanbul* (Tübingen, 1977), Abb. 60)

св. Иоакима, а с обителью Иасита — монастырь Иса-Кермеси (Христа). Если к этому добавить ещё и свидетельство Антония (Добрыни Ядрейковича), указывающего монастырь в стороне Перивлепты, то локализацию его именно в юго-западной части города можно считать доказанной.

Упомянутый в дефтере монастырь Мирлос — монастырь Мирелион. Здесь, на месте ротонды V в., император Роман II Лакапин построил храмовый комплекс, представлявший собой одну из резиденций императорской семьи того времени³³. В 922 г. Роман перенёс в Мирелион останки императора Маврикия и его семьи из расположенного неподалёку монастыря св. Маманта. Мотив поступка можно усматривать в заброшенном состоянии обители, сдававшейся для квартирования русов.

Для правильного понимания контекста рассматриваемого нами района, необходимо обратиться к результатам археологических исследований, проведённых недавно в гавани Феодосия (современное название Yenikapı)³⁴.

В результате раскопок была исследована древняя гавань города. Было установлено, что её западная часть окружена волнорезом, простиравшимся на восток и опоясывавшем её южную часть. Предполагается, что волнорез доходил до места, где в настоящее время расположен проспект им. Намика Кемала (Namik Kemal Caddesi). Волнорез западной части гавани с южной стороны образует букву «U», а его юго-восточный конец совпадает с местом так называемой башни Велизария. В V в. по приказу императора Феодосия, вокруг района гавани и верхней части волнореза соорудили стену.

Волнорез, простирающийся до проспекта Намика Кемала, завершался холмом, который до XVIII века могли видеть путешественники.

В западной части гавани был обнаружен причал, построенный из очень больших камней в форме квадратной призмы, а также частично сложенных в два ряда спойлий (рис. 4–5).

На тот факт, что корабли приставали именно в этой части, указывает отвлечение набережной в восточном направлении, а также зафиксированный здесь причал длиной в 43,5 м, сооружённый из близко расположенных друг к другу деревянных столбов. Помимо этого, непосредственно к востоку от причала обнаружено затонувшее судно (рис. 6).

Судно длиной 7 м и шириной 2,30 м лежало в направлении с востока на запад. Как показали раскопки, оно было загружено отлично сохранившимися амфорами. В кормовой части корабля найдена жаровня с тремя плитами из керамики, а также посуда для приготовления пищи, а также соломенная

33 Ph. Niewöhner, “Der frühbyzantinische Rundbau beim Myrelaion in Konstantinopel, Kapitelle, Mosaiken und Ziegelstempel”, *Istanbuler Mitteilungen* Bd 60 (2010), 411–459; C.L. Striker, *The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul*.

34 M. Gökçay, “Yenikapı Kazıları”, *Müze Çalışmaları ve Kurtarma Kazıları Sempozyumu* 16 (2007), 81–100. Пользуюсь случаем выразить благодарность Сабине Дадашевой (Упсала) за оказанную помощь при работе с этой публикацией.

Рис. 4. Остатки каменного причала в западной части гавани Феодосия
(*The 'Old Ships' of the 'New Gate'. Yenikapi Shipwrecks*, vol. 1, ed. U. Koçabas (Istanbul, 2012), Fig. 1)

Рис. 5. Отверстие для швартовки
судов к пристани
(*The 'Old Ships' of the 'New Gate'. Yenikapi Shipwrecks*,
vol. 1, ed. U. Koçabas
(Istanbul, 2012), Fig. 2)

Рис. 6. Грузённое амфорами судно
X в. обнаруженное в гавани Феодосия
(*The 'Old Ships' of the 'New Gate'. Yenikapi
Shipwrecks*, vol. 1, ed. U. Koçabas
(Istanbul, 2012), Fig. 11)

корзина с вишнёвыми косточками. Обнаружено также большое количество двухсторонних деревянных гребней, предположительно выпавших из кораблей в разных частях гавани. Также найдены масляные фонари (светильники), сандалии для мужчин, женщин и детей, амфоры, вывески (таблички) с текстами эзотерического содержания, гири для весов, фонари и монеты различного достоинства. Данное судно датировано X в. и является одним из 36 судов, обнаруженных в порту и датированных V–X вв.³⁵

Стена Феодосия, опоясывающая западную часть гавани, тоньше той, что стоит на её северной стороне. Деревянные части волнореза указывают на то, что стены были сооружены на квадратных деревянных балках поверх волнореза. Исследователи предполагают, что стена, построенная поверх волнореза, шла на восток. Однако раскопками выявлена только её часть. Пока что не существует окончательного подтверждения того, что она смыкалась с башней на восточной части проспекта им. Намика Кемала и на углу ул. Куле Бою.

В ходе раскопок был найден алювиальный вынос, который свидетельствует о том, что речка Ликос впадала в море именно в этом месте. Вероятно, в районе подземного перехода Аксарай она раздваивалась: одно её ответвление шло через нынешний проспект Намика Кемала, а другое — вдоль проспекта Мустафы Кемала, где она и впадала в море.

Особый интерес вызывают трёхапсидная каменная церковь и кладбище, обнаруженные в северо-западной части исследованного участка (рис. 7)³⁶. Церковь сооружена на слое песчаного заноса. Первоначально церковь была датирована XII в. и отнесена ко времени, когда гавань была основательно занесена песком. Однако, ряд обстоятельств позволяет отнести её к более раннему времени. В ходе раскопок было установлено, что к ранней строительной фазе относится одноапсидная базилика длиной 9,5 м и шириной 11,45 м, к которой в более позднее время с северной и южной сторон были пристроены нефы. Фундамент базилики сложен из камней, связанных строительным раствором. С юга к церкви примыкала L-образная постройка, состоявшая из четырёх прямоугольных камер, размерами 1,90 × 0,92 м, в одной из которых был найден большой вкопанный сосуд. Предполагается, что эти помещения, датированные XIII в., использовались для хранения. Внутри церкви и вокруг неё найдены 24 захоронения, в одном из которых выявлен бронзовый крестик. Большинство погребений датированы XIII в., когда церковь была уже заброшена. Однако, над одним из погребений обнаружены 12 монет конца X — начала XI вв., что даёт основание для отнесения соору-

35 Gökçay, “Yenikapı”, 87, Res. 10–13; *The ‘Old Ships’ of the ‘New Gate’. Yenikapı Shipwrecks*, vol. 1, ed. U. Kocabas, (Istanbul, 2012), 102.

36 Gökçay, “Yenikapı”, 87, Res. 10–13; M. Gökçay, “Architectural Finds from the Yenikapı Excavations”, *Istanbul: 8000 Years Brought to Daylight. Marmaray, Metro, Sultanahmet Excavations* (Istanbul, 2007), 174–175, fig.7.

Рис. 7. Церковь X–XI вв., раскопанная в Еникапи
(А. Toksoy, “Faith in Yenikapi”, 2007, 175, Fig. 7).

жения церкви к более раннему времени, нежели это первоначально предполагалось³⁷.

Поскольку материалы раскопок церкви и кладбища в полной мере не опубликованы, трудно дать окончательный ответ каким временем датируется ранняя фаза церкви. Однако, судя по предварительным публикациям, в конце X — начале XI вв. она уже существовала. В XII в., скорее всего, были пристроены апсиды, а в XIII в. — хозяйственные помещения. К позднему этапу существования церкви (т.е. времени запустения) относится большинство погребений.

Здесь уместно привести интересные данные, сохранившиеся в типике монастыря св. Мамы. Из источника не совсем ясно, где монастырь расположен. Сказано довольно пространно, что обитель некогда «процветала и множилась» и «обиловала угождями и имуществом и во всех отношениях казалась прекрасной». Кроме этого упомянуто, «что монастырь расположен в здоровой местности, но что в следствии дурного состояния в котором он находится, и самое местоположение утратило свою привлекательность»³⁸.

37 А. Toksoy, “Faith in Yenikapi”, *Istanbul: 8000 Years Brought to Daylight*, 230–235, 232.

38 Успенский Ф.И. Типик, 55, 56.

Из типика известно, что здесь «стоял величественный храм, который был не меньше других по строению», но также «другие постройки, которые угрожают падением». Судя по тому, что в монастыре был сооружён водопровод, поблизости была вода. В XII в. в монастыре были отстроены трапезная и доходные бани, а также приобретены серебряные сосуды, иконы, занавеси, книги и предметы из меди³⁹. Типик утверждает, что во времена харистикариев, управлявших монастырём, обитель использовалась в качестве «подгородней дачи»⁴⁰. Эту фразу конечно не нужно понимать буквально. В XI–XII вв. основная жизнь города протекала на южном берегу Золотого Рога, в то время как районы вдоль Мраморного моря переживали упадок. Порт Феодосия перестал действовать⁴¹, возможно, из-за землетрясения и вызванных им разрушительных волн, но, главным образом, из-за активного выноса водами Ликоса песка, в результате чего к XII в. на территории гавани образовался мощный песчаный занос. В оттоманское время это место известно под названием Вланга и использовалось для выращивания овощей⁴².

Таким образом, раскопки гавани Феодосия внесли существенные коррективы в историческую топографию города. Они также предоставили доказательства активного функционирования здесь торговой гавани в X в. — времени заключения договоров Руси с Византией. Уже в XII в. гавань была заброшена. Местность вокруг неё была занята несколькими монастырями, одной из которых была обитель св. Маманта. Можно думать, что исследованные раскопками в Еникапи церковь и кладбище могут быть соотнесены с безымянной церковью, упомянутой дефтером и расположенной к востоку от ручья Ликос.

С какой же из упомянутых дефтером церковей может быть связана исследованная в Еникапи церковь? Церковь Иса-Кермеси, как упоминалось выше, соотносится с храмом Христа Спасителя, сооружённым в 1282–1289 гг. Палеологов монастырь св. Дмитрия, судя по его названию, основан в XV в. Оба эти храма заложены в позднее время и должны быть исключены из числа кандидатов. Из оставшихся претендентов можно назвать только безымянную церковь, «церковь с кухней», монастырь св. Маманта, а также церковь Иоакима на берегу ручья. За исключением монастыря св. Маманта, о времени основания этих церквей у нас нет никаких данных. Раскопанная же церковь в Еникапи, с учётом данных типика о перестройках в XII в., по своей хронологии вполне может быть отнесена к территории этого монастыря.

Раскопками были также обнаружены остатки стены Константина длиной 51,5 м и шириной 4,5 м, сложенной из резных камней, соединённых раствором. В качестве подпоры в её основании и внутренней части использованы дере-

39 Успенский Ф.И. Типик, 65, 68.

40 Успенский Ф.И. Типик, 65.

41 *The 'Old Ships' of the 'New Gate'*, 32.

42 А. Berger, "Der Langa Bostani in Istanbul", *Istanbuler Mitteilungen* 43 (1993) 467–477; *The 'Old Ships' of the 'New Gate'*, 32.

вянные балки. Было установлено, что стена Константина начиналась в западной части гавани и шла от нынешних больницы Саматъя (Samatya SSK) через Фындыкзаде (Findikzade), проспект Ватан (Vatan Caddesi), западную часть мечети Фатих (Fatih Camii) и до Фенера (Fener) у берега Золотого Рога⁴³.

В этом районе находились единственные ворота, оставшиеся от времени Константина и простоявшие до землетресения 1509 г. Они стояли вблизи Аврет Базара и назывались Иса-Капусси (Ворота Иисуса). На одной из копий карты Бунделмонти, датированной 1465 г., они обозначены, как Pulchra Porta⁴⁴. Ранее было высказано предположение, что иное их название – «Древние ворота» или «Древние ворота Предтечи»⁴⁵. Судя по расположению на карте, ворота стояли на улице, ведущей в сторону форума Константина. Именно здесь, как можно судить, С.Б. Сорочан локализует русское подворье, существовавшее со второй половины IX в. и называемое «убол» или «абол» — портик, где торговали купцы, прибывшие из Руси⁴⁶.

Мнение о существовании «Русских ворот» и «Рускаго убола» впервые высказал М.Н. Тихомиров⁴⁷. Он полагал, что в Константинополе было два монастыря Маманта, — на европейском берегу Босфора и собственно в городе. По мнению исследователя, в XI–XII вв. резиденция русских купцов была перенесена из пригорода в город, получила название «Рускаго убола» и находилась в районе церкви св. Георгия⁴⁸. Выводы учёного⁴⁹ были основаны на единственном списке *Паломника* Антония, опубликованном П. Савваитовым⁵⁰. К сожалению, критическое издание, подготовленное Хр. Лопаревым, М.Н. Тихомировым не было учтено, а между тем, Лопарев продемонстрировал, что *Паломник* содержит большое количество гречизмов — не только слов, но и отдельных фраз, которые и сбивали толку исследователей. Одним из таких примеров является Региев, Рисиев, Русиев/Ρουσιού эмвол, ставший с лёгкой руки историков «Руским», но, как доподлинно известно, не имевший ничего общего с русской колонией⁵¹. Из сообщений Антония мы также узнаём, что в

43 M. Gökçay, “Yenikapı,” 83–84, Res. 5.

44 I.R. Manners, “Constructing the Image of the City: The Representation of Constantinople in Christopher Buondelmonti’s *Liber Insularum Archipelagi*,” *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 87, no.1 (1997), 72–102, fig.7.

45 Παλαιά Πόρτα или *Porta Aurea* согласно A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 21, 30; *Georgii Codini Excerpta*, 122, 25.

46 Сорочан С.Б. *Византия*, 248.

47 Тихомиров М.Н. *Древнерусские города*. М., 1956, 125, 126, 235.

48 Тихомиров М.Н. *Древнерусские города*, 126.

49 Поддержанные другими учёными, см.: Литаврин Г.Г. Русско-византийские отношения XI–XII вв. *История Византии*. Т. 2. М., 1967, 353.

50 Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12 столетия. *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* (ИОУЯС) IV, кн. 1 (СПб, 1899), 223–264, 154–155, прим. 205.

51 Лопарев Х.М. Книга Паломник, XXVIII, LX, CXVI–CXVII, 40, 62, 88 см. также: Лопарев Х.М. *Греки и Русь. Оглавление подготовленного к печати Полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о русско-византийских отношений в хронологическом порядке с древних времён до 1453 года*. СПб, 1898, 9В:10.

XIII в. местом остановки и проживания русских паломников была Пера («Испигас» у Антония), где проживали преимущественно евреи и греки-кожевники⁵². В этой же части города находилась Борисо-Глебская церковь⁵³. Согласно одному из списков *Паломника*, «русский город» располагался в «Испигасе, дне», т.е. внутри Перы⁵⁴. Предполагать, что данный район был местом русской колонии в X в. нет никаких оснований (ни письменных, ни археологических), что позволяет совершенно обоснованно обратить внимание на ту часть города, где они есть.

С целью дополнительной аргументации предложенной нами локализации, обратимся к общей хронологии портов города, а также времени проведения ремонтов городских стен.

По данным письменных источников в Константинополе известно семь гаваней, функционировавших в разные периоды существования города (рис. 8)⁵⁵. Однако в X в. активными были только те, которые расположены на побережье Мраморного моря (Феодосия, Контоскалион, гавань Софии и Вукелеон)⁵⁶.

Известно, что стены Константинополя были возведены императором Феодосием в 439 г., но в результате мощного землетрясения в 447 г. были разрушены, и почти сразу же восстановлены в полном объёме. На протяжении всей истории города они постоянно подновлялись, о чём свидетельствуют памятные надписи⁵⁷. Анализ топографии надписей обнаруживает смену приоритетов в ремонте отдельных участков стен. Вызвано это было не только разрушениями, но и плотностью прилегающей жилой застройки, а также состоянием и общей освоенностью внутростенного пространства города⁵⁸. Так, если во времена Феодосия, Феофила и при Палеологах пытались контролировать все участки, то во времена правления Льва Исавра (717–741) и его сына Константина Копронима основное внимание было уделено напольным стенам⁵⁹, а при Комнинах такие работы наиболее хорошо документиро-

52 Лопарев Х.М. Книга Паломник, XXXVI.

53 Лопарев Х.М. Книга Паломник, LXI.

54 Лопарев Х.М. Книга Паломник, CXXII, 64.

55 W. Müller–Weiner, *Bildlexikon*, 57–63.

56 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 269–315; *The 'Old Ships' of the 'New Gate'*, 36.

57 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*; Müller–Weiner W. *Bildlexikon*, 312–319; Иванов С. В *поисках Константинополя*, 168–174, 515–555.

58 Специфику городского интерьера Константинополя хорошо иллюстрирует описание испанского путешественника Рюи Гонзалеса де Клавихо: «Хотя город большой и окружность его велика, он не весь хорошо населён, потому что внутри его есть много холмов и долин, на которых находятся обработанные поля и сады. Там, где эти сады, стоят все простые дома. Это внутри города, а самая населённая часть внизу у края города, с той стороны, которая ближе к морю. Самое большое движение у ворот, которые выходят к морю, особенно у тех ворот, что против Перы, потому что туда приходят разгружаться корабли и суда» (де Клавихо Рюи Гонзалес. *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг.* Подлинный текст с пер. и прим. под ред. И.И. Срезневского (СПб, 1881), 87).

59 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 98–100.

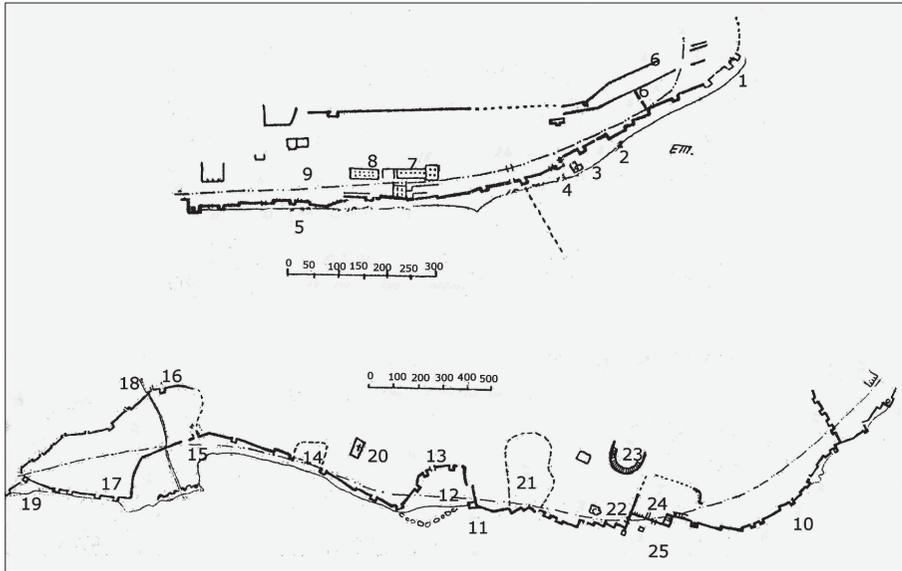

Рис. 8. Схема Эрнста Марбури месторасположения гаваней и памятных надписей вдоль стен у Мраморного моря

(основано на: E. Mamboury, *Stambul. Reiseführer* (Stambul, 1930) 306–307: 1 — башня св. Варвары (разрушена), 2–4 — надписи Феофила, 5 — Indschilli Kiösch (разобран), 6 — акрополь, 7 — церковь св. Георгия, 8 — дворец Мангана, 9 — церковь Марии Одигитрии, 10 — надпись Василия (1024 г.), 11 — надпись Льва и Александра (886–912 гг.), 12 — гавань Контоскалион, 13 — ворота Контоскалион (разрушены), 14 — гавань у арсенала, 15 — ворота Jeni-Кару, 16 — внутренняя стена гавани Феодосия, 17 — гавань Феодосия, 18 — ручей Ликос, 19 — ворота Эмилии (Daud Pasha Kapussu), 20 — армянский патриархат, 21 — гавань Софии (Kadriga Limani), 22 — церковь св. Сергия и Вакха, 23 — ипподром, 24 — дворец Вуколеон.

ваны только в районе Влахерны, где находился императорский дворец⁶⁰. При Романе Аргире следы ремонта зафиксированы в напольной стене, в районе четвёртой башни к северу от Мраморного моря, а также в районе Влахерны (башня св. Николая)⁶¹.

Морские стены имели более 100 башен⁶² и тянулись вдоль Мраморного моря на 8,5 км, представляя собой важный стратегический участок укрепления города. Из всех императоров только два уделяли особое внимание именно морским стенам — Михаил II и его сын Феофил⁶³. Правда, одиночные надписи этих императоров зафиксированы также в районе Харисийских во-

60 Есть правда одна надпись Мануила Комнина обнаруженная на участке морских стен, см.: A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 103, 187.

61 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 103, 169.

62 В настоящее время сохранилось 36 ворот и 103 башни, см.: W. Müller–Weiner, *Bildlexikon*, 312.

63 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 101, 168.

рот и в районе Влахерны. Их местонахождение здесь объясняется ремонтными работами после осады города Фомой Славянином в 822 г.⁶⁴ Если верить прочтению надписей на трёх плитах, обнаруженных в XIX в. в стене к северу от руин Индийского киоска (Indiji Kiosk), работы по укреплению стен вдоль Мраморного моря были инициированы Михаилом II и его дядей Вардой⁶⁵. Всё же наиболее масштабные ремонтно-строительные работы осуществлялись во время правления Феофила, в период между 825 и 842 гг.

Наибольшая концентрация надписей с именем Феофила (около 20 надписей, рис. 8) засвидетельствована у подножья акрополя, вокруг ворот Deigmen Karoussi и парком Гюльхане; они были отмечены на воротах Варвары, прилегающей к ним стене и двух башнях, фланкирующих эти ворота. Надписи Феофила отмечены также на третьей, шестой, седьмой и девятой башнях к югу от ворот Deigmen Karoussi. По непроверенным данным одна надпись Феофила и одна с именами Феофила и его сына Михаила были зафиксированы в районе Семибашенного Замка. Кроме этого, ещё две надписи с именами Феофила и Михаила известны на двух башнях вблизи ворот Варвары (Top Karoussi)⁶⁶. Есть данные о минимум 20 надписях Феофила, обнаруженных в городской стене вдоль Золотого Рога, но ни одна из них не сохранилась⁶⁷.

Чем были вызваны такие масштабы строительной деятельности Феофила? Одной из побуждавших к этому причин был набирающий силу арабский флот, который принимал участие в осаде города в 717–718 гг.⁶⁸ В 829 г. арабами были захвачены Сицилия и Крит, что и вынудило Феофила предпринять необходимые меры по укреплению стен у Мраморного моря⁶⁹. Однако, обращает внимание, что наибольшее внимание Феофил уделил участку экспонированному к Босфору. Как представляется, это очень важный момент, поскольку он свидетельствует о стратегических приоритетах Феофила, которые были связаны не столько с арабами, сколько русами, впервые появившимися в Византии во время его правления. Сооружение Византией в земле хазар крепости Саркел, а также строительные работы Феофила на участке города, обращённом к Босфору, говорят о том, что в годы его правления опасность нападения с севера рассматривалась вполне серьёзно (рис. 9–10). После нападения Руси на Константинополь в 860 г. это стало очевидно. Судя по надписи на восточной башне Koum Karoussi, при входе в гавань Контоскалион, во времена императоров Льва и Александра (до 913 г.) морские стены по прежнему продолжали быть в приоритете⁷⁰. Важно также отметить, что над-

64 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 168–169.

65 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 185.

66 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 183–184.

67 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 184.

68 *The Chronicle of Theophanes*, 549.

69 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 182.

70 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 186.

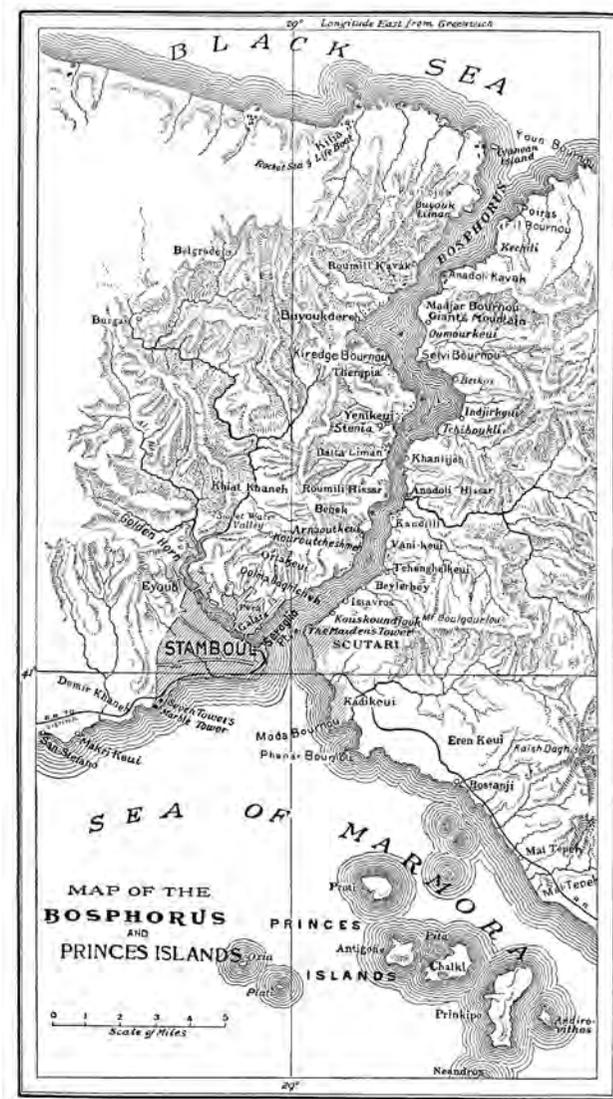

Рис. 9. Топографическая ситуация Константинополя (Grosvenor E.A. *Constantinople*, vol. 1 (Boston, 1895), 129)

письм Льва и Александра датируется тем же временем, что и договор Руси с Византией, а сама гавань располагалась рядом с гаванью Феодосия.

Наконец, необходимо упомянуть некоторые исключительные археологические находки, обнаруженные во время раскопок района порта Феодосия. К таковым, кроме многочисленных амфор, известных и на Руси, относится

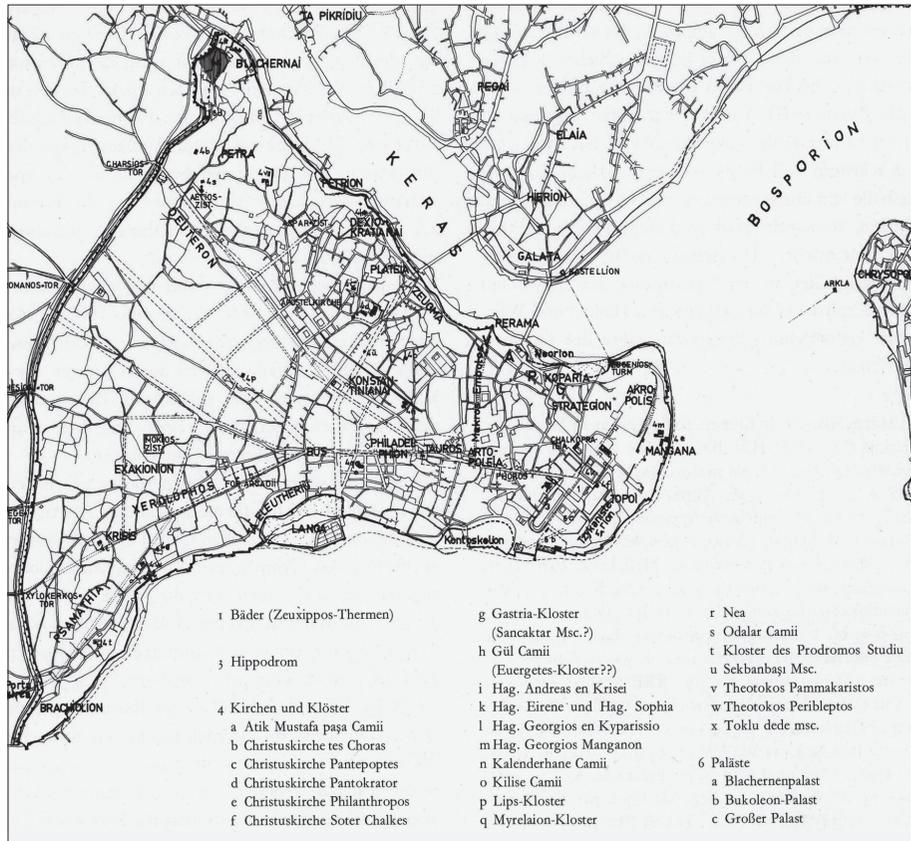

Рис. 10. Карта Константинополя с месторасположением портов
(W. Müller-Weiner, *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls* (Tübingen, 1977), Abb. 3)

бронзовый ключик, аналогичный которому был выявлен в погребении 112 киевского могильника⁷¹. Одно из самых богатых погребений, обнаруженных на территории Десятинной церкви в Киеве, оно содержало также скандинавскую серебряную фибулу и восточные монеты X в.⁷² Эта небольшая, но важная деталь, позволяет связать Киев с Константинополем, а также дополнительно аргументировать место резиденции русов.

Повесть временных лет сохранила легендарный рассказ о пребывании Ольги в Константинополе и её долгом стоянии в одном из портов, расположенном в

71 *Istanbul: 8000 Years Brought to Daylight*, 287:Y48; ср.: Каргер М.К. *Древний Киев*. М., Л., 1958, табл. XX:2.

72 Каргер М.К. *Древний Киев*, 178–182.

Золотом Роге (Суде)⁷³. Известно, что в городе на протяжении всего его существования было несколько портов⁷⁴. В X в. активно использовались только гавани вдоль побережья Мраморного моря: Вукoleon, Контоскалион/гавань Софии и, как мы знаем по археологическим данным — гавань Феодосия. Гавани Золотого Рога приобрели значение не ранее конца XI–XII вв.⁷⁵, поэтому летописный рассказ, скорее всего, отражает реалии времени его записи, а не X в.

Как показал ход атаки Фомы Славянина в 822 г., а также походы Руси 860, 907 и 941 гг. Золотой Рог с прилегавшими к нему районами были наиболее уязвимыми местами Константинополя. Перечень возможных последствий обитания здесь иноземцев приведён византийскими и древнерусскими источниками⁷⁶. Именно поэтому в договоре 944 г. было специально оговорено условие, чтобы приходящие из Руси не творили насилия и бесчинства, а обретались «у св. Мамы». Поход Игоря 941 г. показал, что уязвимой областью является не только Золотой Рог, но и побережье Малой Азии. Поэтому, для временного квартирования иноземцев нужно было другое место, которое позволяло бы осуществлять одновременный контроль Малоазиатского побережья. Для этой цели гавань Феодосия была идеальным местом. Ограждённая со всех сторон волнорезом и стенами, она создавала идеальное ощущение «города вне города». Как представляется, содержание договора 944 г. регулирует условия пребывания русских купцов в этой гавани. Условия пребывания здесь русов вполне согласованы с той процедурой, которая вообще существовала в Византии. Право останавливаться в гаванях имели только суда тех стран, с которыми были заключены торговые соглашения. После прибытия, они обязаны были представить коммеркариям их «паспорта», а также перечень того, что они желали купить или продать, заплатив при этом причитающийся налог⁷⁷. Это находится в полном соответствии с текстом договора 944 г., обязывавшим русов иметь грамоты от князя с указанием точного количества посланных кораблей. Только после такого рода регистрации купцы имели право на месячное содержание. Получив его в порядке определённой очереди (сначала купцы из Киева, затем Чернигова, Переяславля и прочие), русы отправлялись в место своего квартирования. В сопро-

73 ПСРЛ 1: 63; ПСРЛ 2: 51.

74 W. Müller-Weiner, *Bildlexikon*, 57–63.

75 На основании стихотворения Константина Стильви, описавшего пожар в Константинополе летом 1197 г., можно думать, что в это время на южном берегу Золотого Рога, между Друнгариевыми воротами и Неорионом существовали новые гавани, не упомянутые в других источниках — Гарка и Гавань Мучеников, где находились торговые суда и склады генуэзцев и пизанцев (Лопарев Х. О византийском гуманисте Константине Стильви (XII в.) и о его сочинениях. *Византийское обозрение* III (Рига, 1917), 57–88, 78). О топографии побережья Золотого Рога в византийское время см.: A. Berger, "Zur Topographie der Ufergegend am Goldenen Horn in der byzantinischen Zeit", *Istanbul Mitteilungen* 45 (1995), 149–165.

76 *Theophanes Cont.*, 66.19, 67.2; *Продолжатель Феофана*, 33; ПСРЛ 1: 21, 30; ПСРЛ 2: 15, 21, 33, 44.

77 *The 'Old Ships' of the 'New Gate'*, 29; N. Balaksa, N. Selenti, "On the trade routes," *Journeys on the Seas of Byzantium*, ed. by D. Zafiropoulou (Athene, 1997), 54–69, 62.

вождении коммеркария и без оружия они входили через расположенные здесь ворота и прибывали в монастырь св. Маманта. В районе гавани Феодосия было несколько ворот, которые представляют интерес в связи с топографией квартала Маманта. Одни из них — Ени Капи (Yeni Kapı) в районе Вланги маркировали восточную оконечность гавани и пострадали во время землетрясения 447 г. Об их восстановлении префектом Константином говорится в найденной здесь лагинской надписи⁷⁸. К западу от них находились ворота Davutpasa Kapısı, в древности называвшиеся воротами Эмилии по расположенной вблизи церкви. Рядом с ней стояла другая церковь — св. Марии (Rahabdou), где хранился посох Моисея⁷⁹.

Надо думать, что выбор монастыря для резиденции русов объясняется тем, что он был вблизи порта и, судя по всему, заброшен. Возможно, что уже в это время им управляли упомянутые типиком св. Маманта харистикарии, зарабатывавшие сдачей помещений внаем. Зимовать в порту, как мы знаем из договора, запрещалось. Наиболее ходовым товаром русов были рабы, которых в конце XI в. торговцы из Руси продавали у форума Константина. Как и остальной товар, они содержались в монастыре св. Мамы. Так, во всяком случае, нужно понимать фразу договора о сбежавших от русов рабах (аще оускочить челадинъ ѿ Руси [...] и ѿ стго Мамы . аще будеть да поимуть и⁸⁰).

Итак, подведём итоги. На основании данных письменных источников можно предположить существование в разное время в Константинополе трёх монастырей св. Маманта. Предположение о том, что один из них в X в. находился в Пере (район Бешикташ) не может быть обосновано наличными свидетельствами. Монастырь св. Маманта, располагавшийся некогда к северу от Влахерны, на берегу Золотого Рога, ко времени заключения договоров уже не существовал. Все активные гавани города в это время были расположены вдоль Мраморного моря, что даёт достаточно оснований для поиска резиденции русов именно здесь. Данные османского дефтера, а также контекстный анализ письменных свидетельств и данных археологии, позволяет локализовать квартал св. Маманта, а также одноименный монастырь к северо-западу от гавани Феодосия, в районе, соседствовавшем со стеной Феодосия и рекой Ликос. На современной карте города топография монастыря может быть локализована на территории, ограниченной улицами Etyemez Tekkesi с запада (монастырь Иса-Кермеси/Иасит/Христа), на севере — Koşa Mustafa Paşa. Serrahpaşa (древняя Месе), на востоке — проспектом Namik Kemal (река Ликос), на юге стеной Феодосия. Здесь, скорее всего, и была резиденция русов, упомянутая в договоре 944 г.

Swedish Institute in Istanbul

78 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 180, 263.

79 A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, 264.

80 *ПСРЛ* 1: 49.